

**ЕКАТЕРИНА
ЛЕСИНА**

**ТАЙНАЯ СТРАСТЬ
ГОЙИ**

&

**ПРОКЛЯТАЯ КАРТИНА
КРАМСКОГО**

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л50

Оформление серии *С. Курбатова*

Лесина, Екатерина.

Л50 Тайная страсть Гойи ; Проклятая картина Крамского : [романы] / Екатерина Лесина. — Москва : Эксмо, 2018. — 704 с. — (Двойной артефакт & детектив).

ISBN 978-5-04-096314-0

Тайная страсть Гойи.

Любовь к легендарному Франсиско Гойе не принесла Каэтане, герцогине Альба, ничего, кроме слез. Она, состоятельная и знаменитая, славящаяся красотой на весь Мадрид, так и не сумела стать счастливой. И в момент разрыва предпочла уйти из жизни, отравившись красками. Правда, далеко не все верили, что смерть ее была самоубийством. Слишком много врагов было у прекрасной Каэтаны. И спустя годы история повторилась...

Проклятая картина Крамского.

Год за годом наблюдает черноглазая незнакомка за людьми. Усмехается, храня свою тайну. Прячет презрение в изгибе губ. И несет несчастье всем, кому вздумается взять проклятую картину в руки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лесина Е., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096314-0

ТАЙНАЯ СТРАСТЬ
ГОЙИ

Дорогая моя Л., случалось ли тебе сгорать от ревности? Случалось ли смеяться, когда сердце рыдает от боли? Случалось ли рвать подушки, вымещая свою злость на них, представляя на месте подушки счастливую соперницу?

И давиться слезами.

Я устала.

Я так устала, что сама жизнь, каждый вдох представляется мне ныне подвигом, и я не понимаю, почему продолжаю дышать. Почему упрямое мое сердце не остановится, чтобы подарить мне блаженный покой. Я все чаще ловлю себя на мысли, что смерть — единственный выход. Она избавит меня от страданий. Она утешит лучше, чем все те, кто мнят себя моими утешителями. Она даст мне то, чего я истинно жажду.

Покой.

И я, раз за разом, примеряю многие обличья ее, словно платья, пытаюсь найти именно то, которое будет достойно герцогини Альбы. Удар кинжалом? Не слишком ли это вызывающе? И не дрогнет ли моя рука в последний миг, тем самым сотворив из действия величественного, призванного внушить страх, комедию о глупой женищине? Вербка? Повешенные глядятся глупо, да и такая смерть — через удушение, отдает некоторой обыденностью. А уж чего я не желаю, так это обыденности. Конечно, можно взять не веревку, а ленту или пояс, но все же сие не убавит уродства повешенного тела, не отменит синевы лица его, раззявленного рта или нечистот, которые, как я слыша-

ла, висельники выделяют обильно. Мне же не хотелось бы, чтобы после моей смерти говорили о том, что Казтана, герцогиня Альбы, умерла в нечистотах. Нет.

И что остается?

Благородный яд? Тот, который избавил моего бедного супруга от мучений. Или любой иной. Яд, спаситель душ заблудших, утешитель неутешаемых, прощальный бокал смерти...

Я знаю, что эта смерть будет легкой.

Я просто усну, как уснул он. Помню, я держала его за руку и читала стихи. О любви... Но кто прочтет стихи мне? Кто склонится к челу моему с поцелуем? Коснется теплыми губами остывающей кожи? Кто спрячет бокал? И солжет о болезни... Кто заплатит врачу, дабы тот подтвердил слова?

Хотя... тут-то сомнений нет. Мои наследники, которые жаждут поскорее заполучить состояние, полагая, что единовластное мое владение им есть ошибка, они сделают все возможное, чтобы обелить мое имя. Так что же меня останавливает?

Упрямство ли, которое, как утверждала моя матушка, есть величайший из моих недостатков? Или же понимание, что я могу обмануть людей, тем паче рады они обманываться, но, что Его, того, кто живет в опустевшем моем сердце, не обманешь? И совершая величайший из грехов, я предам Его, Созидателя и Творца.

И потому, милая моя подруга, я гоню прочь трусливые мысли.

И продолжаю жить.

Я слышу, что говорят за мою спиной, как смеются и повторяют, будто время мое ушло. Я притворяюсь глухой.

А еще слепой.

Бессильной.

Но это не так. Во мне осталось достаточно сил, чтобы разорвать порочный круг. И чтобы сделать это красиво...

Я не собираюсь умирать, моя дорогая Л. Но я поступлю так, как велят мои натура и характер. Месть? Что ж, пускай. Обиженной женщине это позволительно. И быть может, отомстив ему, я обрету наконец покой...»

Глава 1

просто обязана мне помочь! — возвестил Стасик тоном, не оставляющим сомнений, что выбора у Алины не было.

Нет уж.

Хватит.

— С какой это радости? — Она спросила тихо и не особо надеясь, что будет услышана. За пять лет брака Алина успела заметить, что супруг ее — к счастью, ныне бывший, — обладает весьма избирательным слухом. Но сегодня он сделал исключение.

— Ты не слушала? — Стасик возвел очи к потолку. — Потому что меня хотят посадить! Меня!

Действительно, как можно... посадить его, известного живописца, человека всех мыслимых и немыслимых достоинств...

— Это твои проблемы.

— Злишься?

Алина вздохнула. Злится. Но главным образом на себя саму. Вот что стоило ей отказаться от встречи? Со-слаться на занятость... В конце концов, она и вправду занята, у нее ученики, и обязательства, и ремонт, который никак не закончится, главным образом потому, что для его завершения нужны деньги, а денег у Алины никогда не было.

Стасик же... Стасик знал, чем ее поманить.

— Прекрати, Линочка. — Он протянул руку, но коснуться себя Алина не позволила. — Ты же понимаешь

прекрасно, что в нашем разводе виноват не только я... Моя натура, мой характер требовали новых впечатлений... ярких впечатлений...

— Стас. — Алина встала. — Я ухожу.

— А я? — Теперь он обиделся и обиду демонстрировал явно. В былые времена Алине тотчас становилось стыдно, даже когда она совершенно была уверена, что права, но не теперь...

— А ты — сам разбирайся со своими проблемами!

Именно так он сказал в прошлом году.

И Алина мечтала, что однажды повторит эти слова, глядя бывшему мужу в глаза, и как он вспомнит, осознает, раскается... Но Стасик лишь поморщился.

— Линка, нельзя же быть такой мелочной! Допустим, я тогда несколько погорячился...

Ого, похоже, его знатно припекло, если он допускает саму возможность, что мог совершить ошибку.

— Но мы оба были тогда на взводе! И ты сама виновата... Твои бесконечные придирки, истерики... Нормальный человек не может существовать в обстановке, переполненной негативом!

— Хватит.

— Стой. — Стасик поймал-таки ее за руку, а он, несмотря на кажущуюся хрупкость телосложения, отличался немалой силой. — Квартира...

— Что?

— Я уступлю тебе квартиру.

Уступит квартиру?

Ее, Алины, квартиру, которая после развода оказалась вдруг собственностью Стасика? И все было по закону, так ее уверяли. Она ведь сама написала дарственную...

— Присядь. Поговорим как взрослые люди.

Взрослым Стасик считал исключительно себя, да и человеком тоже, но... квартира...

— Ты ведь все еще обитаешь в той дыре? Комната в коммуналке?

— Твоими стараниями.

— Брось, Линка. Нельзя перекладывать на других ответственность за свою... скажем так, недальновидность.

9

Дальновидностью Алина никогда не отличалась. Бабушка, помнится, ее предупреждала, когда со Стасиком познакомилась. Алина же... Алине было девятнадцать. Она влюбилась. Раз и на всю жизнь. Ей так казалось, она верила, что иначе и не бывает... Верила, что и Стасик любит свою Линочку... Он пишет ее и только ее, музой называет...

И ему вообще нет дела до материального мира.

Он такой...

...козел. Редкостной породы, к сожалению, Алина далеко не сразу это осознала.

— Но сейчас я готов заключить сделку. — Он сцепил руки в замок. Поза деловая, и сам Стасик... как он изменился. Взгляд совсем другой стал.

Холодный. Расчетливый. И с такую насмешечкой презрительной, будто бы он, Стасик, знает, что стоит намного выше простых смертных...

Костюм дорогой, из светлого льна.

Рубашка.

Запонки с драгоценными камнями... Или подделка? Нет, Стасик и в прежние времена подделки не жаловал.

— В общем, так. — Он извлек серебряный портсигар, а из портсигара — тонкую, с виду дамскую папироску. — Все просто. Ты помогаешь доказать мою невиновность и получаешь в награду квартиру...

— Просто, значит?

— Просто. — Зажигалка тоже была серебряной. — Поверь, Линочка, у меня нет резона тебя обманывать. Видишь ли, квартира — это, конечно, хорошо, но если все пойдет по плану, то я получу столько, что твоя квартира — это мелочь. — Он взмахнул рукой.

От сигарет пахло ванилью.

И запах этот, любимый Стасиков аромат, вызывал приступы тошноты.

— У меня будут миллионы...

10 Надо уходить.

Но квартира... Да, Алина многое бы отдала, чтобы вернуться домой. Это не просто квартира в центре города, восемьдесят три квадратных метра общей площади, три комнаты, кухня, две лоджии, прихожая со встроенными шкафами, которые Стасик грозился выломать, но все никак не добрался.

Она в этой квартире всю свою сознательную жизнь провела.

Искушение велико, но... разве можно верить Стасику? Что бы он ни задумал, он будет держать слово ровно до тех пор, пока ему это выгодно.

— А с чего ты решил, что я тебе помогу?

— Ты меня не слушала. — Не упрек, но констатация факта. И Алина согласилась: не слушала. Рассказывать Стасик никогда не умел, вечно сбивался с одного на другое, а потом на третье, и в итоге сам путался, злился... — Не ты мне должна помочь, а твой дружок... Ну тот, с первого этажа...

— Он не мой дружок.

— Я к нему обращался. Денег предлагал, а он сказал, что если я сяду, то заслуженно... Хамло и быдло.

Хамлом и быдлом у Стасика были все, кто не спешил выражать восхищение его — Стасиковой — персоной.

— Он к тебе всегда неровно дышал. — Стасик стряхивал пепел в чашку, что в прежние времена Алину сначала приводило в восторг — такая творческая рассеянность, а потом стало невероятно бесить. — Сходи, пообщайся с ним, уговори... Ничего сложного.

Она вздохнула.

Макс... Макс был в нее влюблен. Когда-то давно, наверное, в детском саду, а потом еще и в школе, но та детская влюбленность давным-давно ушла. И вообще, Макс женился, правда, потом развелся, но это, как оказалось, явление частое, почти нормальное. Главное, что из лучшего друга он превратился в хорошего знакомого, а потом просто в соседа, а теперь и вовсе... А Стасик

предлагает отправиться к Макс и уговорить его
влезть в дела ее бывшего мужа...

...но взамен Алина получит квартиру.

— Линочка, деточка, ну нельзя же быть такой нерешительной! Я тебе квартиру предлагаю! Квар-ти-ру! — Стасик повторил по слогам. — В обмен на пустячную услугу.. Так что постарайся уж...

— Постараюсь. — Алина мысленно прокляла себя, потому что сделка эта была сделкой с дьяволом, и складывалось ощущение, что она не просто помочь пообещала, а душу свою только что продала.

— Но я должна знать, во что ты влип. Рассказывай.

— Я рассказывал, слушать надо было. — Добившись своего, Стас стал прежним — раздражительным и капризным придурком.

— Стас. Или ты...

— Да понял уже! Линочка, вот честно, тебе не идет быть стервой! Ты же такая милая девочка... была... А теперь? Ты совершенно себя запустила...

— Заткнись!

— Вот Марина знала себе цену.. Ее убили, Линочка. Хотя сначала это выглядело самоубийством, и если бы не Гошка с его жадностью, самоубийством бы и осталось.

Алина вздохнула, приготовившись к долгому, нудному, но, хуже того, запутанному повествованию.

— С Мариной мы познакомились, скажем так, давно познакомились... Это она помогла мне раскрыться. К сожалению, обстоятельства были таковы, что мы с ней не могли быть вместе, ее супруг вряд ли бы понял.

Стасик хохотнул:

— Он вообще с нее глаз не спускал. Только чем строже бабу караулишь, тем чаще она гуляет, а Марина... Ах, Марина... Тебе, Линка, такой никогда не стать, иначе я б налево и не глянул...

Он был отвратителен и одновременно притягателен, как такое возможно, Алина никогда не могла понять. Точнее, прежде она и не задумывалась, почему же ее так

12 к Стасику тянет. И не только ее, как выяснилось... Она, ослепленная любовью, безграничной, безумной почти, и не замечала, как смотрят на него другие женщины. А когда стала замечать, то ревновала иступленно, истерики устраивала и утешала себя сама же, потому что Стасик никогда не снисходил до утешений.

Потом уже стало все равно.

Перегорела.

И эмоции ушли, кроме разве что любопытства. Что они в нем находят? Натурщицы. Случайные знакомые, которые быстро превращались не только в знакомых. Официантки, вроде нынешней, что крутилась неподалеку, не сводя со Стасика влюбленного взгляда. Кондукторши и паспортистки. И эта вот Марина его, не то убитая, не то покончившая с собой.

Он ведь некрасивый.

Невысок, рост ниже среднего, чего Стасик стесняется, полагая рост — единственным более-менее значимым своим недостатком. Он даже носит туфли на специальной колодке, которая к его ста семидесяти сантиметрам добавляет еще парочку. И шляпы, естественно, с высокой тульей, ибо они визуальнo делают Стасика выше.

Он блеклый.

Несмотря на регулярные визиты в солярий, все равно блеклый. Кожа его противится загару, а тело — переменам, и столь же регулярные посещения спортзала проходят вроде бы бесследно.

Поэтому Стасика донельзя раздражают мускулистые мужчины, они словно напоминают, что есть что-то, ему неподвластное.

И лицо его — черты острые, резкие чересчур.

Глаза вот красивые.

Испанские.

Это Алина сама придумала, давно, когда видела в Стасике не просто человека, а... кого? Ангела, ниспосланного в частное Алинино владение?

Она потрянула головой, заставив себя слушать бывшего мужа. В конце концов, если уж решила связаться в это дело, то нужно понять, что же там произошло...

13

...Марина была из тех женщин, которые не только знают себе цену, но и обладают талантом найти мужчину, готового эту цену заплатить. Ее супруг был старше Марины на тридцать пять лет, обладал обширной лысиной, но, что куда важнее, немалыми капиталами, которые тратил на любимую жену охотно. Она же, получив в распоряжение золотую кредитку, ни в чем себе не отказывала.

Со Стасиком Марина познакомилась, когда его, начинающего, но весьма и весьма перспективного современного художника, пригласили в дом для написания семейного портрета. Знакомство это, вполне цивилизованное, сдержанное, даже в присутствии посторонних, весьма скоро переросло в нечто большее. Нет, не было ни обещаний любви до гроба и после оно, ни глупых мыслей о побеге из золотой клетки — собственное положение Марину всецело устраивало, ни даже дорогих подарков молодому и бедному любовнику. Все-таки супруг, пусть и предоставил Мариночке финансовую свободу, умел считать деньги и недостачу заметил бы...

Марина помогала возлюбленному иначе.

Ее имя имело некоторый вес в узком кругу местного бомонда, и Стасик, создавший чудесный портрет хозяйки, вошел в моду. А мода означала гонорары, и славу, и связи с возможностями, которыми Стасик пользовался без стеснения.

Да и о каком стеснении речь может быть, когда в этих возможностях его, Стасика, будущее заключено? Как бы там ни было, но вскоре под патронажем одной из многочисленных Марининых подруг состоялась личная выставка Стасика. И приглашенные на нее нужные люди очень тепло отозвались о представленных работах и о самом Стасике. Его картины попали в галереи, и карьера

14 почти сложилась. А тут еще Мариночкин постылый супруг, который на старости вовсе потерял голову не то от любви, не то от ревности, перешедшей в стадию постоянной паранойи, взял и скончался. От инфаркта.

Не суть важно, главное, что завещание он оставил. И после похорон выяснилось, что ныне единовластной владелицей всего бизнеса — а бизнес был обширен и доходен — является как раз-то Марина. Кроме нескольких заводов, пары фабрик и сети супермаркетов вдове отошла пара особняков, в том числе и за границей, автопарк раритетных автомобилей и небольшая, но весьма ценная коллекция ювелирных изделий. Естественно, родственников покойного этакая последняя воля старика не обрадовала — начался суд, который тянулся года два, но завершился убедительной победой Марининых адвокатов, примирением и выделением в пользу родни мужа некоей части бизнеса, так сказать, жестом доброй воли...

Эти все проблемы Стасика напрямую не касались. Во всяком случае, он думал, что не касались, тогда как вышло иначе...

— С полгода тому назад я переехал к Мариночке. У нас все было серьезно. — Стасик курил, манерно отставляя руку, и дым выдыхал в сторону Алины, зная прекрасно, как ее это раздражает. — Мы собирались пожениться...

— Поздравляю.

— С этой женщиной я готов был прожить всю жизнь...

«...или хотя бы до того момента, пока состояние ее не иссякло», — добавила про себя Алина.

— Но с месяц тому Марина умерла. — Стасик поморщился, не сдержав раздражение.

— Как умерла?

— Обыкновенно, — огрызнулся он. — Нажралась красок, дура! Нет, что надо иметь в голове, чтобы нажраться красок?!

Он это произнес громко, патетично, и Алине мстительно подумалось, что права она была: не существовало у него никакой большой любви к покойнице... Очередной дурой ее Стасик считает, но в отличие от многих прочих дур — дурой состоятельной.

— Сначала все решили, что это самоубийство... — Сигарета полетела на пол, а Стасиковы пальцы затарабанили по столу. — В конце концов, Маринка к доктору своему постоянно бегала, жаловалась на депрессию, таблетки глотала горстями... И доглоталась — крыша совсем поехала, возомнила себя, что хочет умереть молодой и прекрасной... У нее вообще сдвиг был на красоте... Ну да не важно, главное, что дело прикрыли бы... Если б не Гошка!

— Кто такой Гошка?

— Пасынок ее. Сын покойного Маринкиного мужа, а заодно управляющий. Он начал кричать, что это не самоубийство... В общем, сумел добиться, чтобы дело открыли, записки-то посмертной нет. Идиотка. И сестрички Гошкины вой подхватили... Сообразили, стервы, что я с ними возиться не буду, укажу на дверь — и все. Да они готовы разорвать меня на части! Они сфабрикуют это дело, дадут взятки...

— И ты дай.

— Линка, ты издеваешься?

— Предлагаю разумный выход.

Она научилась огрызаться. Стас же усмехнулся, откинулся на шатком стуле и руки на груди скрестил.

— Им плевать на Марину. Им деньги нужны. Видишь ли, Мариночка очень сильно меня любила, настолько сильно, что имущество свое отписала мне... И вот теперь представь, в какой я оказался ситуации! Да, я всего-навсего скромный художник... И не фыркай. В общем, если по факту, то у них на меня ничего нет. Пусть Маринка не оставила записки... И да, мы поссорились накануне... Но это не преступление, все пары ссорятся. Она, конечно, грозилась завещание изменить, но она постоянно этим грозилась. Вспыльчивой была, но отходчивой,